

«Мы ужесточим подбор так называемых родителей. Ужесточим, здорово ужесточим. Очень ужесточим» – эти слова министра просвещения Ольги Васильевой произвели впечатление на сообщество приемных родителей и специалистов по семейному устройству. К словам прилагаются предложения по изменению законодательства, тоже впечатляющие. Обязательное психологическое тестирование приемных родителей, запрет брать в семью детей для тех, у кого уже есть трое, включая родных. Впечатляют здесь больше всего даже не конкретные предложения: предложения могут быть удачные и не очень; для того и обсуждение, экспертиза и прочие процедуры, чтобы удачные принимать, а неудачные менять или отклонять. Поражает форма подачи, стоящее за ней отношение к приемным родителям в сочетании с явным непониманием сути процесса семейного устройства. Рассказываю, почему так это не работает. В любой деятельности, в том числе в семейном устройстве детей, всегда есть эта дилемма: чем больше делаешь, тем больше риск ошибок и неудач. Единственный способ свести неудачное устройство к нулю – никого не устраивать. Единственный способ ликвидировать жестокое обращение с детьми полностью – стерилизовать поголовно все население и подождать 18 лет. Другого не существует. Развивая и расширяя устройство, мы повышаем риски. Сокращать риски, «ужесточая» требования к кандидатам – мысль, которая приходит в голову первой. И как почти все первые мысли касательно сложных проблем, она неверная. Для бабушек на скамейке допустимо остаться на этом уровне, для профессионалов – нет. На тренингах мы со специалистами долго это анализируем: строим социометрическую шкалу, ищем на ней свою позицию между полюсами «устроить всех» и «не допустить рисков». Отслеживаем, как меняются наши мысли и чувства, наша позиция по этому поводу в зависимости от множества факторов. Учимся видеть этот «эквалайзер» внутри себя, замечать, как после тяжелого случая в приемной семье он улетает в полюс «не давать детей никому», а после информации о ребенке, который буквально погибает в казенной системе, перемещается к полюсу «ну хоть кто-то бы его взял». Учимся видеть, но не действовать только под влиянием ситуации, потому что это и есть профессионализм – способность к объемному, системному видению, к рефлексии. В работе с людьми и семьями нет простых решений. Вернее, все простые решения всегда делают только хуже, при всех благих намерениях. «Погуляв» по этой шкале, мы всегда приходим к выводу, что ответ не лежит в выборе правильной точки на ней. Невозможно так мудро выбрать степень ужесточения отбора, чтобы устроить побольше, но рисков поменьше. Так это не работает. А не работает потому, что никто не берет в семью детей, чтобы их мучить и бить. Если у кого-то и есть садистические потребности, честное слово, приемное родительство – ну, очень сложный способ их удовлетворить. Эксплозивные психопаты и перверзные нарциссы существуют, их, безусловно, нельзя подпускать к детям, и для этого ныне действующий закон требует, чтобы кандидат в приемные родители прошел освидетельствование у психиатра. Это разумно и необходимо, а если где-то проводится формально, то вот эту проблему нужно решить. Подавляющее большинство кандидатов в приемные родители – обычные нормальные люди, которые хотят ребенка полюбить и жить с ним долго и счастливо. Они могут переоценивать свои силы, могут нереалистично представлять себе ребенка – все это само по себе никак не говорит, что они его будут бить, плохо кормить или вернуть обратно. Вот когда они сталкиваются с реальной жизнью с непростым ребенком, может произойти всякое. И никакие психологические тесты этого не предскажут и не покажут. Я знаю невероятно ресурсных приемных родителей, чья личностная зрелость и психологическая устойчивость, оптимизм, терпение и здравый смысл могли бы служить примером любому из нас. И многие из них рассказывали, что доходили до состояния, когда хочется размазать ребенка об стену, бывало, что доходили до рукоприкладства. Обнаруживали в себе такого яростного зверя, о существовании которого не подозревали раньше ни они сами, ни их близкие. Травмированный ребенок умеет неосознанно этого зверя из взрослых извлекать, потому что он его уже знает, видел и, как ни грустно, именно таков его «образ взрослого». И вот когда с человеком происходит подобное – еще раз, это может произойти с каждым приемным и не приемным родителем, – важно, чтобы ему было куда пойти. Было кому об этом сказать. Было

место, где можно выплеснуть свою злость, отчаяние, ужас – и получить помощь, а не «психологическую оценку». Для этого и нужны специалисты по сопровождению. Которых сплошь и рядом нет, или они не умеют работать, потому что их никто не учит помогать. Родители должны не бояться прийти и сказать: сорвался, помогите. Попытка решить проблему «отбором на входе» во-первых, бесполезна, во-вторых, вредна. Бесполезна, потому что нет никаких признанных профессиональным сообществом методик, позволяющих понять, сможет ли данный человек благополучно растить данного ребенка. Одни и те же родители с кем-то прекрасно справятся, а об другого могут сломаться. Многие страны отдали дань иллюзии эффективности «психологического тестирования» и отказались от этой практики, как бессмысленной. А вредна, потому что рушит контакт с семьей, обижает и унижает людей. Почти с любой проблемой можно справиться, если родители обращаются за помощью при первых трудностях, еще не дойдя до истощения. Родители должны не бояться прийти и сказать: сорвался, не знаю, что делать, помогите – почти всегда такая ситуация поправима. И ничем нельзя помочь, если семья скрывает сложности, не доверяет специалистам, потому что видит в них не помощников, а «проверяющих», потому что изначально их общение было построено на основе презумпции их виновности, корыстолюбия, неспособности позаботиться о детях. Вот тогда проблемы выходят на свет уже в виде чрезвычайных ситуаций. Все идеи про «ужесточение отбора» на самом деле увеличивают риски, а не снижают их. Потому что дело не в качествах родителя, а в качестве помощи, которую он сможет получить, если все окажется сложно. Десять лет прошло с момента начала массового устройства в приемные семьи. Это происходило в режиме кампанейщины и «плана по валу», без подготовки и сопровождения, и уже тогда специалисты предупреждали, что через несколько лет оно обернется возвратами и насилием. Что и имеем. С подготовкой за эти годы продвинулись, ввели обязательную ШПР, и хоть процесс нельзя было назвать разумно организованным, сейчас все как-то утряслось, и люди получают помощь в принятии решения и в подготовке к приему ребенка. С помощью семье после прихода ребенка все намного хуже. Хорошие профессиональные службы сопровождения по-прежнему редкость, они всегда держатся на человеческом факторе конкретных людей и работают, особенно в регионах, за копейки.

Недобросовестные семьи, «набирающие» кучу детей ради выплат, существуют. Их совсем немного в процентном отношении. Собственно, вообще многодетных семей даже среди профессиональных приемных всего 15%, а недобросовестных и плохо справляющихся еще на порядок меньше. Кстати, некоторые из них вполне всех устраивали, когда надо было срочно «распихать» детей после позорного закона Димы Яковлева. Да, некоторые приемные родители профнепригодны. Как и некоторые сотрудники детских учреждений. А ведь ребенок за забором учреждения намного более уязвим перед произволом взрослых, чем ребенок, который живет в обычной семье, ходит в детский сад и гуляет во дворе, попадает на глаза десяткам людей. Почему много детей в семье недопустимо, а в учреждении можно хоть сто? Давайте ограничим число детей в учреждении до 8-15, как в большинстве развитых стран, давайте выведем учреждения из-за забора в социум, эта мера давно назрела, это реально повысит защищенность детей. Сложно? Ограничить родителей, конечно, проще. Вот несколько ситуаций, из самых последних, описанных коллегами: - В начале мая выпускница нашей ШПР обратилась в органы опеки небольшого города под Нижним с заявлением о назначении ее опекуном трехмесячной девочки. Девочка сложная, лежала в больнице, сама не ела, кормили через зонд. Ее много раз смотрели кандидаты в приемные родители, писали отказы. Потенциальный опекун – уже приемная мама, у них с мужем один ребенок есть, вот решились на второго. Не испугались, что ребенок сложный, что пугали диагнозами, что перспективы реабилитации неясны, поверили, что справятся и вытянут. Решили взять под опеку, а потом уже в Москве удочерить. Региональный оператор дал направление на знакомство, познакомились, подписали согласие, написали заявление о назначении опекуном. ООП отказали. На словах – «у нас на младенцев очередь на усыновление, мы под опеку не отдадим. И в заключении у вас написано, что вы кандидаты в усыновители, а не в опекуны». Письменный отказ содержал дикую

формулировку «в связи с отказом заинтересованных лиц». Мама написала жалобы в прокуратуру и на сайт администрации Президента. От первых нет ответа, от вторых пришла отписка. Прошло три месяца. Ребенок до сих пор в учреждении.

- Три года искала трижды возвратной девочке очень опытную и ресурсную семью. Многие интересовались, но никто не взял. И вот нашли. Очень опытная мама, с опытом работы со сложными подростками. Познакомились. Брали домой. Опеканство было за. Но... разослали новый приказ «не больше трех в одни руки», и в последний день семье отказали, так как в семье уже есть 3 приемных ребенка. Опеканство сказала, что если мы разрешим, «нам влетит». И что ей теперь, в детский дом?

- Весной 2018 многодетная приемная мама из Москвы пришла в свою опеку с пакетом документов, чтобы взять еще одного ребенка. Опеканство отправила ее на психологическое обследование в центр «Детство». Разумеется, пришлось подписать бумагу о том, что на обследование она идет «добровольно». То, как проходило обследование, отдельная история; достаточно будет сказать, что «психологи», придя домой к кандидату, отказались разговаривать с живущим там же ребенком, потому что «ему же уже 18, он не член семьи». В результате кандидату выдали заключение о том, что ребенка она может принять только через полгода, потому что у всех детей были внезапно обнаружены кризисы (через полгода они, видимо, рассосутся), а будущему приемному ребенку «лучше сначала закончить школьный год». На основании заключения психологов ООП выдал отказ в заключении о возможности быть опекуном; кандидат попыталась его оспорить в суде. Суд не принял заявление, так как кандидат добровольно согласилась на психологическое обследование, а его результаты могут являться основанием для решения опеки. Обратите внимание, еще никакие поправки не приняты. А «ужесточение» уже бьет по детям. И было бы интересно узнать, кто возьмет на себя ответственность за все то жестокое обращение, которое может случиться с детьми в результате НЕустройства?

В заключение хочу обратиться лично к министру Ольге Васильевой. Волей случая оказалось, что Вы отвечаете за сферу семейного устройства детей. Так вышло, потому что детские дома и интернаты когда-то были образовательными учреждениями. Это сложная и важная сфера, в которой за последние 15 лет произошли огромные изменения. Те люди, которых Вы называли «так называемые приемные родители» за эти годы вытаскивали из сиротских учреждений десятки тысяч детей. Часто очень тяжелых детей, с проблемами здоровья и развития, с очень травматичным прошлым. Прямо скажем, они немного получали помощи от государства все это время, они всегда перед всеми были виноваты и все-таки делали свое дело, иногда из последних сил. Снижение числа детей-сирот в разы за последние годы – это их заслуга, не Ваша. И сейчас Вы разговариваете с ними как с просителями или злоумышленниками. Похоже, Вы не понимаете самой сути процесса семейного устройства, в котором приемный родитель – равный и ценный партнер государства. Потому что министерства и ведомства могут сколько угодно провозглашать красивые лозунги вроде «Россия без сирот» или «Не отдадим детей в Америку, вырастим сами». Но если вот эти вот люди не придут и детей не возьмут, и потом не будут о них заботиться 24 часа в сутки 7 дней в неделю, лозунги не помогут. Мы опять получим полные детдома и поломанные судьбы. Я уже не говорю про ущерб для имиджа страны и для бюджета, если Вам прагматика ближе. Вы обеспокоены случаями насилия и злоупотреблениями? Очень хорошо. Это проблема, решение которой нужно искать, в диалоге с приемными родителями и специалистами. Но чтобы диалог состоялся, нужно сначала выкинуть из своего словаря слово «ужесточить». Тогда, может, и получится находить решения не простые, а правильные.